

Евгений Карнович

Вызов родственников

*Часть сборника
Очерки и рассказы из
старинного быта Польши*

Евгений Петрович Карнович

Вызов родственников
(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Пан кастелян, несмотря на свою знатность и на свои несметные богатства, не был однако доволен судьбою. Не радовался он и тому, что около него расцвело шесть прехорошеньких дочерей, которые резвились около него, как резвятся пёстрые бабочки. Тяжёлые и грустные думы постоянно одолевали могущественного кастеляна. С грустью проезжал он по своим обширным владениям, подумывая о том, что всё это разделится на части после его смерти и что скоро в его родной стороне угаснет навеки знаменитое имя Буйницких...»

Евгений Петрович Карнович

Вызов родственникам

В одном из значительных польских местечек был храмовой праздник. Множество разных колымаг, бричек и повозок загромождали большую костельную площадь, обсаженную высокими пирамидальными тополями. В местечко съехались на праздник и богатые паны с их многочисленной челядью; сюда добрался также на своей маленькой тележке и соседний мужичок с женой, у которой, по случаю праздника, был надет на голове шёлковый платочек, а на шее висели янтарные бусы. И муж и жена ехали на праздник, сидя в тележке на большой вязанке льна, который был бел как снег и который они везли ксёндзу, как церковную десятину. На возу сидели с отцом и с матерью их пухленькие, розовые дочери.

Толпы набожных пешеходов валили гурьбой в местечко. В местечке же на рыночной площади стоял ряд толстых столбов; у каждого из столбов, соединённые между собою близким родством, небогатые шляхтичи привязывали своих лошадей и никто из посторонних не смел прикоснуться в такому столбу, назначенному только для известного се-

мейства.

После обедни, шляхтичи, прихожане и все почётные гости были запрошены на обед к отцу-плебану, перед домом которого, под ясным летним небом, расположилось множество народа, весело проводя время.

Между собравшимися у отца-плебана соседями шёл обычный разговор о погоде, о посевах и о разных случаях, бывших недавно в околотке.

– А что ж, пан Матеуш, когда же поедешь получать наследство?.. – спросил какой-то старичок одного, очень скромно, но чисто одетого шляхтича, бывшего в числе гостей.

– А вот Господь Бог даст, так и выберусь недельки через три, – отвечал смиренно тот, к кому относился этот вопрос. – Ещё не все нужные бумаги успел подобрать.

Пан Матеуш приятно улыбнулся. Самые отрадные мечты промелькнули в его голове, под длинным чубом, на котором пробивалась уже седина.

Между тем гости, по приглашению радушного хозяина, принялись за закуску. Разговор делался и шумнее, и веселее, и оживлённее.

Толковали о разных разностях, но всего чаще затрагивали гости пана Матеуша Буйницкого, добродушно подшучивая над тем, что он, после своей поездки в замок своего соимённого, кастеляна Буйницкого, сделается богатым и могущественным магнатом.

Заметно было, что этого рода шутки не только что не обижали бедного шляхтича, но что, напротив, они радовали его.

– Смейтесь, смейтесь, – думал про себя пан Матеуш, – а послушаем что заговорите вы, когда ко мне на самом деле перейдёт всё огромное богатство кастеляна.

Долго продолжался пир у отца-плебана. Наконец гости, поблагодарив хозяина за угощение, отправились по домам. Вместе со всеми поехал, в своей простой одноконной бричке, и пан Буйницкий. Спустя же дней десять по возвращении с праздника, пан Матеуш, на той же самой саврасой лошадке и в той же самой бричке, отправился в далёкий путь, в замок кастеляна Буйницкого.

Пан Владислав Буйницкий, кастелян саноковский, владетель Буйничков, Овражков, Наровча и других огромных поместий, счи-

тался во всём своём околотке первым паном. Жил он в обширном старинном замке, ездил на сеймики и сеймы в сопровождении множества прислуги и сторонников, которых он, как бы их много ни было, угощал на серебряной и золотой посуде. Все сенаторы и сам король, Ян-Казимир, заискивали доброго расположения у богатого магната. К нему-то и пробирался теперь его однофамилец, со множеством разных бумаг, тщательно зашитых в грубую холстину и запрятанных за пазуху под кунтушем.

Пан кастелян, несмотря на свою знатность и на свои несметные богатства, не был однако доволен судьбою. Не радовался он и тому, что около него расцветало шесть прехорошеньких дочерей, которые резвились около него, как резвятся пёстрые бабочки. Тяжёлые и грустные думы постоянно одолевали могущественного кастеляна. С грустью проезжал он по своим обширным владениям, подумывая о том, что всё это разделится на части после его смерти и что скоро в его родной стороне угаснет навеки знаменитое имя Буйницких.

Желая иметь наследников этого имени, пан Буйницкий ещё в молодых годах женился на бедной девушке, происходившей, впрочем, из славного рода. Кастелян, по-видимому, был очень счастлив в супружеской жизни, потому что Бог послал ему жену кроткую, благоразумную и привязанную к нему всем сердцем. Меньше чем через год она родила ему дочь. Насупился пан Буйницкий при этой вести; но делать было нечего, и он пышно справил крестины новорождённого ребёнка.

Прошёл ещё год. С нетерпением ждал пан Буйницкий, кого подарит ему супруга – сына или дочь, и крепко огорчился он, когда узнал, что в замке его явилась на свет новая девочка. Минул ещё год – и у пани Буйницкой родилась опять дочь; – не вытерпел муж и принялся журить жену, зачем она не дарит ему сына. В следующем году прибыла пану четвёртая дочь – и он рассердился до такой степени, что даже не захотел взглянуть на новорождённую малютку. Спустя год, новая прибавка в семействе Буйницкого – и опять дочь. Вспылил кастелян, обманувшись в своей надежде иметь наследника, и приказал отпра-

вить ребёнка, вместе с мамкой, на фольварк.

В течение следующего года пан кастелян, смотря на свою всё более и более полневшую супругу, предавался самым радостным мечтам. Он воображал как будет ласкать маленького сына, как он вырастет и будет славным наездником и лихим рубакой, как он женит сына, как у него пойдут внуки и как таким образом, надолго, если не до конца мира, будет продолжаться древний род кастеляна.

Обманчивы были однако надежды тщеславного пана, потому что когда явился у него в доме седьмой младенец, то оказалось, что вместо ожидаемого сына послал Господь кастеляну ещё новую дочь. Не вытерпел этого обманувшийся отец; он заскрежетал от гнева зубами, схватился в отчаянии за голову и приказал новорождённое дитя отправить в дальнюю деревню и там воспитывать её, как простую крестьянку.

Между тем время шло своим чередом; кастелян и его супруга старели, а дочери их росли и хорошели. Умилостивившийся кастелян вернул в свой замок двух последних дочерей, высланных им из его дома; но всё же он не

любил своей семье так, как он любил бы её, если бы среди её выросла наследник его имени и его богатства. Особенно доставалось за дочерей бедной супруге. Раздражённый кастелян постоянно укорял её за то, что она произвела столько дочерей, как будто она в самом деле была виновата в том, что не имела сына.

Досадуя на жену, кастелян стал подумывать, что не худо бы было развестись с нею и жениться на другой, чтобы хоть этим способом добыть себе наследника. Но как он ни ломал голову над тем, чтобы выискать или выдумать какую-нибудь причину к разводу, он не мог ничего придумать, так как сожительница его была женщина безукоризненная во всех отношениях и представляла собою образец всех супружеских добродетелей. Суетный кастелян не унимался однако; он попробовал было заикнуться о разводе перед епископом, но правдивый и строгий пастырь не только что дал ему хороший духовный нагоняй за его грешные расчёты, но и погрозил ещё ему Божией карой, если только он позволит себе обидеть ни в чём не виноватую супругу.

После этого кастелян оставил мысль о разводе. Боязнь несчастий в земной жизни и страх адских мук в будущей отбили у набожного пана мысль о разводе, и он стал добывать себе наследника другим способом. Он призывал к себе на совет и врачей, и учёных, и знахарей, и баб, слывших в народе ворожеями и колдуньями. Он ездил с женою на богомолье по разным монастырям, молился, постился, раздавал убогим щедрую милостыню и делал богатые вклады по разным костёлам. Ничего однако не помогало.

Кастелян тужил невыносимо, а между тем время шло своим чередом, дочери кастеляна росли и год от году становились всё краше и краше.

– Постой же, – подумал пан Буйницкий в одну из самых тяжёлых минут, – построю я на свой счёт церковь, а подле неё монастырь и поселю в нём святых отшельников... Даю также Всевышнему обет, – добавил с набожным чувством кастелян, – что если у меня после этого родится сын, то я всех моих дочерей отдам в монастырь, пусть молятся они за того, кто будет продолжать наш знаменитый и

древний род!..

В скором времени съехались в замок кастеляна лучшие архитекторы и живописцы; долго толковал он с ними о том, как бы великолепнее и богаче построить храм и монастырь во славу Божию. Когда же художники решили этот вопрос, то поблизости замка закипела деятельная работа: толпы каменщиков, плотников, маляров и штукатуров безостановочно трудились над постройкою церкви и обширных монастырских зданий. Кастелян не жалел ничего, и так как, несмотря на всё его богатство, у него не хватило разом наличных денег на такие огромные расходы, то он заложил два поместья и продолжал строить монастырь на занятые деньги.

На другой год, среди тёмной зелени соснового леса, белелись уже высокие башни костёла и стены монастырских зданий. Когда же всё было готово, то сам местный епископ освятил новый костёл. В твёрдой надежде иметь наследника своего имени и своих богатств, кастелян отпраздновал освящение храма с необыкновенным великолепием. Съехавшиеся в замок гости не могли надивиться

огромности костёла, его яркой позолоте и множеству резных и лепных украшений, исполненных с большим вкусом и необыкновенным изяществом. Спустя год в новоотстроенном монастыре поселились монахи кармелитского ордена. Строитель монастыря, наделив братию угождями, лесами и рыбными ловлями, поставил им в непререкаемую обязанность, чтобы они и день и ночь молили Господа Бога о даровании ему сына.

Прошло ещё несколько времени, но ожидание кастеляна не исполнилось. Он уже не совсем благосклонно начал посматривать на святых отцов, приписывая свой неуспех их не слишком усердным молитвам и понуждал их молиться и почаще и подольше и поприлежнее.

Нельзя описать гнева кастеляна, когда после самых сладких его надежд и даже заготовления колыбельки с гербами его фамилии для новорождённого сына, у него родилась восьмая дочь. Задыхался от злобы обманувшийся кастелян; он не взглянул даже на свою дочь и приказал отправить малютку на самый отдалённый фольварк, с тем чтобы никогда не

смели даже говорить о ней в его присутствии. Истощив все усилия для того, чтобы видеть своего наследника, кастелян наконец убедился, что он навеки лишён этого счастья; тем не менее он всё-таки не отставал от мысли – продолжить как-нибудь мужское колено своего рода. Теперь кастелян засел над гербовниками и кипой фамильных бумаг. С большим напряжением перечитывал он и гербовники и бумаги, желая найти где-нибудь отрасль своего рода с представителем её по мужскому колену.

– Пусть бы только найти мне какого-нибудь пана Буйницкого нашей древней крови, – рассуждал сам с собою кастелян, – и будь он хоть стар, хоть урод, хоть нищ, хоть калека, но я предоставлю ему выбрать в жёны любую из моих дочерей. Пусть женится на ней и продолжает наше знаменитое имя... Что за беда, если мой дальний родственник и однофамилец принадлежит к самой убогой шляхте: у меня много богатства и я его сейчас сделаю знатным паном... Мне только нужна настоящая кровь Буйницких!..

Как однако ни рылся кастелян в гербовни-

ках и в пыли домашнего архива, он всё-таки никак не мог напасть на такие следы, которые указали бы на существование мужской отрасли его рода в Польше или Литве. Суетный кастелян доходил до отчаяния и решительно не знал что ему делать.

– Настоя же я на своём! – сказал он в припадке сильного гнева, ударив кулаком по столу, – во чтобы то ни стало, а я достану себе папа Буйницкого!..

Спустя несколько дней после этого, из замка кастеляна выехали во все стороны нарочные гонцы. Один из них поехал отыскивать какого-нибудь папа Буйницкого в Мазовии, другой в Куявии, третий на Волыни, четвёртый на Подоле, пятый в Литве.

С нетерпением ожидал теперь кастелян возврата своих посланных, подумывая о том, какого-то они привезут ему родственника. Уже несколько гонцов возвратились в замок и донесли кастеляну, что несмотря на все свои усилия они не могли отыскать его родственника и однофамильца. С горестью покачивал кастелян головою, выслушивая эти недобрые вести.

Однажды, когда он в глубокой задумчивости сидел у окна, посматривая на заходившее солнце и думая о том, что вскоре, подобно солнцу, угаснет и его знаменитый род, он увидел, что во двор замка въезжал какой-то бедный шляхтич на саврасой лошадке, запряжённой в простую бричку. Шляхтич смело подъехал к самому крыльцу замка, слез с брички и вошёл на крыльцо. Кастелян подивился такой бесцеремонности бедного гостя в доме богатого пана. Но удивление кастеляна обратилось в восторг, когда вбежавший к нему в комнату слуга громко крикнул:

– Пан Матеуш Буйницкий, вельможный родственник ясневельможного пана кастеляна, приехал к его милости, нашему пану!..

Обрадованный кастелян обезумел от неожиданной радости. Крепко он обнял и чуть не задушил в своих объятиях желанного гостя, которым кастелян дорожил теперь до такой степени, что тотчас же приказал снять с его брички колёса, разобрать гати, сломать мосты и перекопать дороги, опасаясь чтобы драгоценный гость не уехал как-нибудь из его замка, не порешив дела о продолжении

его знаменитого рода.

Нужно ли говорить о том, как угощал кастелян пана Матеуша, который не мог надивиться великолепию замка, множеству слуг и громаде золотой и серебряной посуды. Бедный шляхтич не мог дать себе о своём положении никакого отчёта, когда кастелян, рассказав ему о всех своих богатствах, объявил, что все они перейдут к нему, если только он захочет жениться на одной из дочерей кастеляна. Всё что видел и слышал теперь пан Матеуш ему казалось каким-то волшебным сном, и он каждую минуту боялся, чтобы не пробудиться от этого чудесного сна.

– Староват он для моих дочерей, – думал про себя кастелян, смотря на своего соимённого, у которого во время неблизкой дороги успела уже показаться щетинисто-седоватая борода, – да это ничего, дети всё-таки будут!.. Ну, дорогой мой родственник, – сказал кастелян, обращаясь к пану Матеушу, – примемся теперь за дело и посмотрим от какой линии нашего рода явился ты на свет...

Шляхтич вынул из-за пазухи привезённые им бумаги и положил их на столе перед ка-

стеляном, который стал перечитывать их с чрезвычайным любопытством. Пан Матеуш, не без сильного биения сердца, внимательно следил за каждым движением своего будущего тестя.

– А это, брат, что значит?.. – спросил вдруг суровым голосом кастелян, и с этими словами он грозно посмотрел на шляхтича. У последнего дрогнули от страха колени.

– Как же ты можешь происходить из того же рода Буйницких, из которого происхожу я, если мой род ещё за полтора ста лет разделился на отрасли, которые теперь уже угасли, а между тем из этих бумаг видно, что предки твои за сто восемьдесят лет владели таким поместьем, которого никогда в нашем роде не бывало... Ты не нашей крови!.. – громко крикнул кастелян, швырнув в сторону все бумаги, представленные ему его соимёнником.

Оробевший пан Матеуш хотел было пуститься в объяснения.

– Гей, люди! – крикнул взбешённый кастелян, – взять этого самозванца и отсчитать ему пятьдесят батогов!..

Приказание пана было исполнено в точ-

ности. Все золотые мечты разлетелись в пыль и прах в голове бедного шляхтича...

Спустя несколько часов он тянулся обратно домой на своей саврасой лошадёнке, с трудом пробираясь по разобраннным гатям, сломанным мостам и перерытым дорогам, проклиная и свою поездку и радушную встречу кастеляна, вследствие которой не было теперь проезда по дороге.

Забилось радостью сердце шляхтича, когда он наконец увидел вдалеке родную соломенную кровлю. Ему представилась его прежняя тихая жизнь – без роскоши, и без пышности, но зато не лишённая отрады и довольства, и теперь он даже порадовался в душе, что не состоялась его свадьба с дочерью надменного кастеляна.

– Что сделал бы со мной, – подумывал не без ужаса шляхтич, – если бы и у меня, как у него, не было сыновей?.. – и холодная дрожь пробирала пана Матеуша при этой мысли.

Заговорили все в околотке о приезде пана Буйницкого.

– Ну что? – спрашивали его при встрече соседи, – устроилось дело?..

– Нет не совсем ещё, – неохотно отзывался шляхтич, при грустных воспоминаниях об исходе своей поездки.

– А что же...

– Нашлись другие, ближайшие родственники... – бормотал себе под нос пан Матеуш.

– А много их?..

– Да я насчитал их до пятидесяти, – отвечал шляхтич, вспоминая невольно о числе батогов, отпущенных ему кастеляном...